

Хельга Ольшванг

Версии настоящего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051541

Версии Настоящего:

ISBN 978-5-91627-078-5

Аннотация

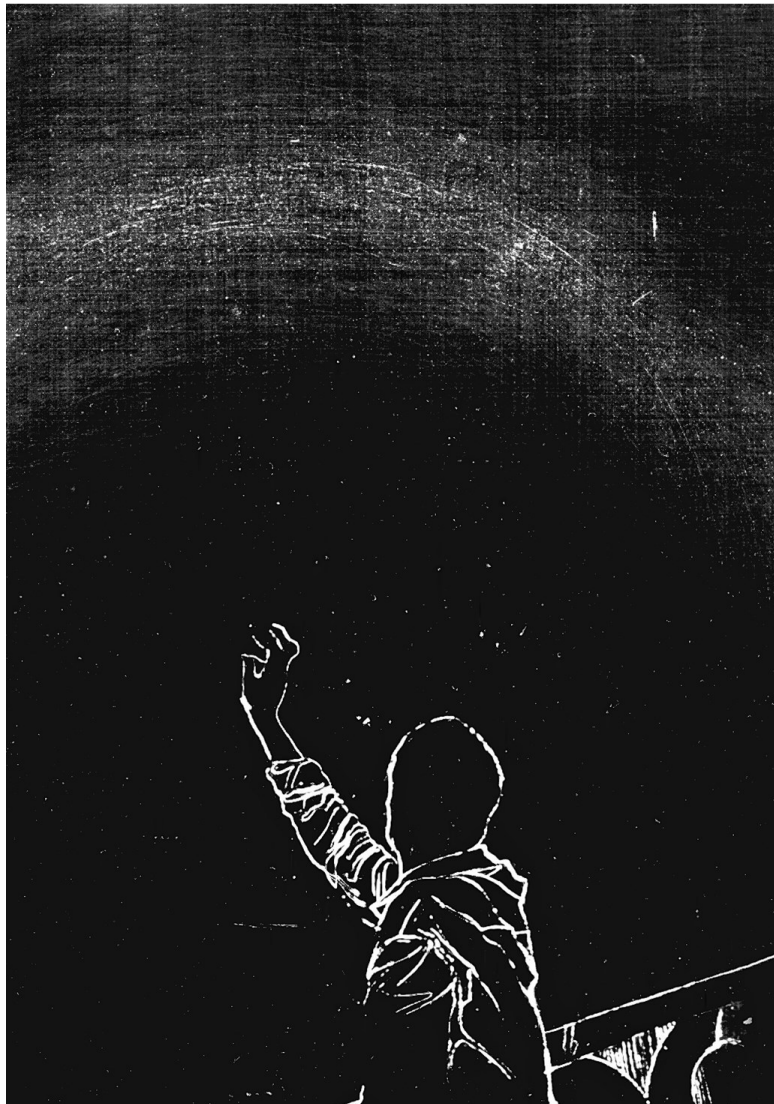
В настоящее издание включены произведения Хельги Ольшванг, написанные и частично опубликованные в период с 1996 по 2011 год: разрозненные стихи, поэмы, а также гравюры и рисунки.

Содержание

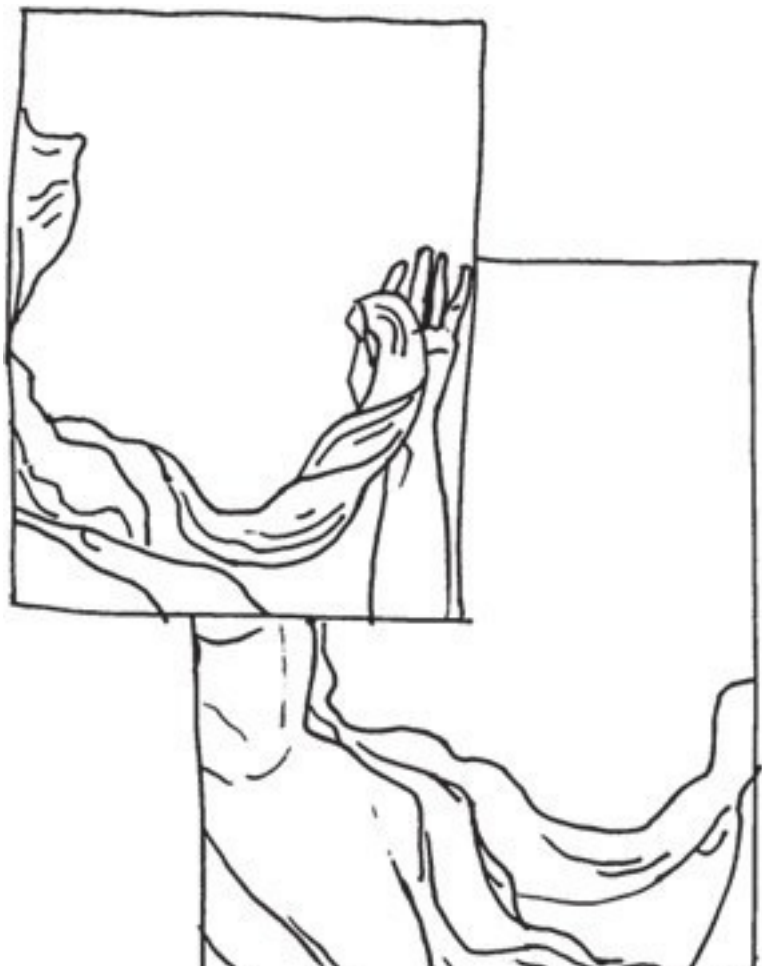
Зимний путь	7
Шум	8
«Близится снег...»	9
«Сестре – шесть, брату – девять...»	11
Сумерки	12
«Приблизившись, дурнеет долгожданный...»	13
Обряд	15
«Похороны во дворе – событие...»	17
«Скорее, скорее спускайся...»	18
«Сидя напротив и полуприкрыв...»	19
«Из храма выходящий прав...»	21
«Ничего не трогай. Оставь как было...»	22
«Исподволь, к себе, внутри...»	23
«Дерево говорило...»	24
«Пока ты здесь, я разглядеть пытаюсь...»	26
Winterreise	28
Форточки	30
«Оставшись, зеркало, одно...»	31
«Желание словом извлечь...»	32
Приёмный покой	34
«Каждый молчит, сохраняя своё...»	38
«Левой – прикрывая лист...»	39
«Монологи долин...»	40

«Тех, кто смотрел парады на ветру...»	41
«Как им там, наверху, безрукавым, росу отереть...»	42
Форточки	43
Сон	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Хельга Ольшванг
Версии Настоящего

Зимний путь

Шум

так, себя предвосхищая
рождённым, слышит изнутри
дитя
края посуды, тяг
водяных, воздушных, всхлипы, пузыри,

затем – круги и перепады
невидимых движений, звонкий спор
ножей и ложек – из своей засады —
скрип тряпки о фарфор,
вечерних бабочек, бок о бок
над лампой пляшущих, сквозь гул
двух голосов полужнакомых,
глотка укромную дугу,
дыханье, тишину, биенье,
и дерево, что наяву,
внезапно потеряв терпенье,
роняет яблоко в траву.

08/2009

«Близится снег...»

Близится снег.

«Скоро тебя заберём»
плакатным пером
у третьей московской
мама надписью машет при всех.

Скоро обход. Облаков за рукой
на стекле, переправа.

Обещанье маячит. Пора бы.

Шубка с воздетым лицом.

Указательным если коснуться, огромным,
упадёт ли? Почувствует? Синь за стеклом.

Нимб

мохеровый, «...бя заберём», невесом.

Не крупнее

лунки мизинца. Картонным, ангельским машет крылом
навестительница,

расплываясь, пока отступаешь,

– ...повыше, дыши, подыми,

отойди, просквозит, никого там, дыша без тебя, ешь,
уехала.

Близится.

Снег:

– вот и мы.

01/2005

«Сестре – шесть, брату – девять...»

Сестре – шесть, брату – девять.

Игра в раздеванье.

Слои маслянной краски не до конца

дверь, виноградное в кадке древо,

диванный валик вместо её лица.

Крюк не дотянется до петлицы.

Запылённые листья. На подступах новый год.

Вьётся растение. Локон. Локоть.

Ветрянка прошла у обоих. Игра в нескромность.

Зоркость детская. Оттиск её колгот.

Он, искоса. Оба в зелёных точках

тела.

– Пройдись. Проходит кто-то. Заставь – шаги —
креслом, ты похож на скелет.

В восточных

шторах солнце,

между драконом и веткой игра нагих.

Он подбирает сорочку с пришитой меткой.

Она:

– И нечего так смотреть.

Под бесплодным, комнатным, стены оплетшим, ветхим,

– ты похожа на смерть.

Сумерки

Во снах, сам того не желая,
возвращаешься в дом свой.

Здравствуй,

комната нежилая. Светом вдосталь
хочет напиться. Отвыкшие растворяться
двери, ставни впустят
солнце.

Здравствуй, сестра-двойница, в зеркальном рабстве.

Все ли здесь постояльцы —

стулья, тихие вещи? Тянется глянцева за пальцем
полоса по обложке, блещет
чашки фарфоровый локоть,
бок о бок с пыльным кувшином —
лучше не трогать.

Не внушать надежды.

Эти сонные вылазки полуслепой души нам

позволены тем же,

кто, в одночасье,

отменит и жизнь,

и то, что за нею брезжит

все эти комнаты наши пустые и снов небрежность.

Сумерки счастья.

«Приблизившись, дурнеет долгожданный...»

Приблизившись, дурнеет долгожданный,
теряет очертания, ветшает
день праздника.

В стакане многогранный
отец хлопочет, сам себе мешает,
и комнатой обёрнута блестящей
шары, шары, на каждом – голубое
клеймо окна,
и бабушки сидящей
коричневое зеркало вмещает
рембрандтовскую оторопь. Рябое
в серванте – ёлка, висельница, юрта?
Цветная драка? Завтрашнее утро
уже в Китае, нож, тарелка, десять,
тарелка, нож, ребёнок, всё, садитесь,
не ставь на край, прольёшь.

Надкушен месяц.

Тарелка. Нож.

Обряд

Дитя зимой.

капустная слышна

присловица «...а то заоченеешь,
простынешь». Кофты синяя, за ней
еще одна,

вот пуговицы, вникшие в свои
оконца шерстяные, друг за другом,
потом лицо, в точь пуговица, и —
«Не туго?».

Потрескивая, вырвется на свет

из жаркой шапки прядь,

к ладони

припасть. Назад. Она опять. В картонный,
нога не попадает, нет,
ниц, валенок...

И, стиснута вокруг

цигейковой заботой, плотным

крестом платка, резинками вдоль рук,

воротником бесповоротным,

обёрнутая темнотой,

родным усердием (и был вес
тяжек), длилась жизнь.

Я помню только то,

что кончилось.

Как холодно.

Не вырвись.

«Похороны во дворе – событие...»

Похороны во дворе – событие.
Дети на деревьях смотрят
гроба театральное отплытье
на волнах из шевиота. Бодрость
дальних, судорги ближайших,
ленточка на лбу, румянец
проплывающего навзничь. Сварщик
или токарь, может быть. Сама не знаю, кто он был.
Теснение.

Под руки влекут вдовицу
на его лицо нахлынуть тенью,
чёрной пеной. Быть. Остановиться.
Ничего не помнить. Осмотреться.
Все вокруг чужие. Представленье
смерти непостижное. Наследство —
комната и полплиты. Старенье
сорвано. Четыре стула. Воздух.
Марш смолкает. Вздрагивая, в розах
и венках, «газель» его увозит.
И кора с колена кожу свозит.
Ссадина. Всё кончено. Спускайся.

«Скорее, скорее спускайся...»

Скорее, скорее спускайся.
Как брошенный об пол сундук,
лифт грохнет, и звякнут лекарства
на столиках нижних старух,
а сами старухи с обеих
скамеек тебя оглядят,
сходящую, словно на берег
с кормы, оправляя наряд,
состроченный ночью, шумящий,
(матроска, реглан, габардин),
Пусть смотрят во след, как пропащей,
как юности, щурясь, как с мачты
дозорный, оставшись один.

«Сидя напротив и полуприкрыв...»

Сидя напротив и полуприкрыв,
на клеёнчатом,
веки,
метро,
перелётном сиденье,
руки сложив, на коломенской ветке,
малины под марлей ведро
вместе с нею приходит в движенье —

поезд отходит.

И все-то желанья сбылись и уходят на убыль.

В детстве – о сахаре,

в юности – об офицере

и платье,

о прирубке, шубе,

чтобы поближе к родным, но и с мужем отдельно, фанере

—

стены оббить для тепла,

об отцовском участке.

Так убеждала, что лётчиком был испытатель, не беглым,
что и сама убедилась, уверилась.

В зрелости ... Много ли? —

– пеплом

прируб и дом обратились, фарфоровым блюдцем на

камне —

сын.

Насовсем

погостить улетел – испытателя машет рука мне,
ей ... В замедлении поезд надземный, въезжая
в полдень, клокочет.

И колокол.

Путь поселковый. Старуха, старуха чужая
с ягодами на свету, и позвать бы,
прощенья,
дремлет,
за всё попросить,
не услышит.

9/03/2004

«Из храма выходящий прав...»

Из храма выходящий прав
и счастлив. Правильно ступает
на всю подошву. Дышит не спеша.
И я за ним, завидуя, робея,
слежу, пока не скроется.
Наглядный,
недостижимый,
строгий прихожанин,
в тебя поверить легче, чем в незримость ... недоскажу.
Смотри перед собой.
Точь-в-точь стюард,
что аккуратно дует
в спасательную трубочку жилета,
демонстративно щёлкает застёжкой
условного ремня. Аминь. Аминь.

03/2005

«Ничего не трогай. Оставь как было...»

Ничего не трогай. Оставь как было.
Пусть озёра валяются как попало,
Вавилонской башни обломки – буквы
городов, мерцающие из пыли,
пусть, разлегшись внизу на белом,
там Кавказ в ошейнике спит шоссе, там —
хоровое кипенье по минаретам.
Страны, сбившись бельём постельным,
пусть по-прежнему ждут развязки.
Не стирай, оставь их как есть, покамест.
Занимается тихим огнём пергамент.
Занимается мальчик на фортепиано
в комнате, мучаясь минуэтом.
Это и есть молитва.
Закат. Пшеничное полотенце.
В руке полководца дрожит указка.
Стынет ванна – купать младенца.
Фа Ми Ре. Да закончится день
на этом.

«Исподволь, к себе, внутри...»

Исподволь, к себе, внутри
комнаты ночной – о ком
жалость?

О душе, клубком
в теле свёрнутой всему «умри»
разрешат, а ей одной, лишась
имени, покрова – быть и быть.

Кто она потом —
не слух, не опыт. Спит,
А за приоткрытым ртом
тела, дальше выдоха – ничто.

Нечем слова вымолвить уже.

Что же я тогда и кто
зябнущей внутри душе?

Жалость к ней, сознание того,
что творится, но не предстоит,
кров невечный, дальнейшее родство
по отцу, который тоже скрыт?

Но, быть может, мёртвого к живым
жалость, к вечным – смертного, и есть
то, с чем остаёшься ночью здесь,
в жалость превращаясь,
в шелест, в дым?

«Дерево говорило...»

Дерево говорило,
рекло,
нарекало (по имени),
снизу вверх, как река (вдоль себя), текло,
как речь уплывало (вело, корило),
пустоту покрывало,
как будто надламывало стекло.

Проникая в углы
(тушь на листе), расплывалась сень
древесная,
всё бледней становясь (очертанья вен
вдоль воздетой руки),
разлетаясь, как выдох
(а корни – вдох),
говорило
и речь свою в никуда отпускало дерево, чей поток
разновеликих ветвей и веток струился наверх, туда,
где верх и низ менялись местами,
даль,
с четырёх сторон подождённая, как стена
крепости, крепкого тела (столпа, ствола),
ствол обступала (крепость). И всё, что не было
зримо, не было небом —
было

деревом, словом,
излившимся вверх теплом
земли, соком её, муравьиной дорогой в рай,
потерявшим значение жестом
ветви (руки) за край
текста,
в поисках то ли точки,
то ли креста,
птицы,
звезды,
окончания речи – какого-нибудь следа
на пустой странице.

08/2000

«Пока ты здесь, я разглядеть пытаюсь...»

Ю. О.

Пока ты здесь, я разглядеть пытаюсь
твоё лицо на свет. Пока не меркнет свет,
запоминаю.

Дальше – вечер. Я глаз не отвожу, и нет
такой последней тьмы, чтобы заставить
тебя исчезнуть. Даже сон несёт
твоё лицо сквозь странные свои
дымы и комнаты, пока не рассветёт.

Ты здесь, передо мной.

Не в фокусе к плечам
твоим и скулам мир неплотно примыкает.
По звону судя – дождь. По треску о причал
невидимых бортов – прилив и утро. Затекает
за раму акварель края веранды, склон,
ступени лестницы с откоса,
вокруг тебя меняющийся фон —
ландшафт, со лба сбегает тени. Сносит
и звук дождя, и толчею лучей,
и ветхие хоры,
и облака спадающих плащей

с горы,
листы
с плеч осени.

Я глаз не отведу,
пока твои черты
наносит медленно, как раньше на пластину
фотостекла, покрытого волшебным серебром
коллодия и желатином.

И выдержка длиною в смерть нужна, —
– Не шелохнись! —
чтоб свет дошёл до дна
зрачка и памяти, лицо твоё оставил
во мне,
пока ты здесь,
лицо твоё оставил.

07/1998

Winterreise

Франц Шуберт в исполнении Фишера Дискау

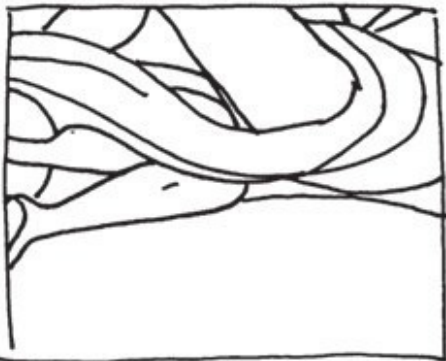
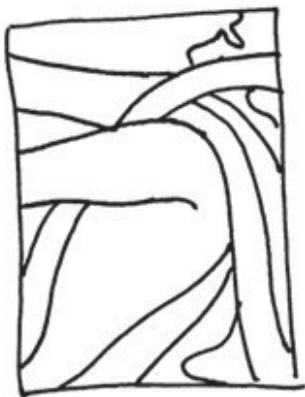
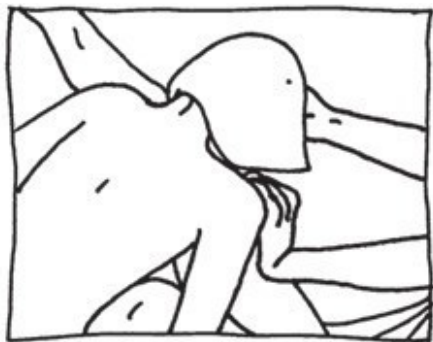
Зимний путь,
Фишера бас-баритон
до конца допой,
до последней станции
поезд по клавишам вторь ему, чёрным и серым,
«домой, домой»,
хроматическим «тон, полутон, тон, тон»

фортепианным, шатающимся впотьмах
зимним звуком глухим
составов, суставов, обёрнутых войлоком.
Пьяного вдоль коридора шаги и неверный взмах
зажигающей спичку руки.

Подстаканник с видом Кремля, раствор
сода-Липтона, Ich
Liebe, Fischer, продолжь. Проходит длинный дозор
ночных
проводниц, городов и деревьев, мелькает неверный узор
Дальних нот золотых.

Форточки

«Оставшись, зеркало, одно...»

Оставшись, зеркало, одно
ликует в опустелом доме,
как идиот, не зная кроме
себя, остриженный под ноль,
героев действия, всего
лишась. О, памяти не мука,
самодовольное вдовство —
ни облика,
ни сна,
ни духа.
Бесследной жизни торжество.

Не потому ли, замерев
в дверях, не смеет кинуть взора
последнего, «Иду!», ушелец,
что безобразное стекло
к лицу уже не вспомнит рифмы?

02/2005

«Желание словом извлечь...»

Желание словом извлечь,
зацепить крючком за губу
глубинную рыбу —
Бога с белым пятном на лбу,
гибкой спиной и оловянным оком.
Благую весть
Иоанн ловил – не поймал,
Матфей не поймал. И днесь
и доньне, согбённые, у воды
молча сидят. У проруби
(у звезды
во льду) край зарастает. И рыба дремлет,
живот ко дну
прижимая.
Желание длит волну,
дуновенье времени,
дрожь в руке,
дрожь луча на пустом крючке,
удочки с небом вокруг неё
(белым – в знак пораженья).
Желание – житие,
расстояние между словом и рыбьим ртом,
оком бдящим и оком спящим,
между водой и льдом.
Ни поймать не дано,

ни отличить ловца
от ловимого. Рыбы и отраженья
склонённого к ней лица.

07/2000

Приёмный покой

(несколько монологов)

1

Я знаю о себе ещё не всё —
причина шаткая.

О, несуществованье,

я не готов к тебе, и я ещё весом.

В наполненной по самый обод ванне

я, как младенец, властвую пятью

простыми чувствами и радостным наитьем

присутствия и сам себя люблю,

и – кто это писал «у бездны на краю» —

я всё же не готов к отплытью.

Я знал отверженность. И промысел – вчерне —

я выполнил. Но выход из пустыни

страшней, чем сорок лет предшествующих в ней ...

– Рыба как рыба, не хочешь, сказала, не жри, оглох.

Старый, а хуже ... Ща вся вода простынет.

Не брызгай, зальёшь в ординаторской потолок.

Закрути потуже.

2

Главного не знаю, не приемлю.
Так и не придя в сознание, лягут в землю
многие, не прояснив причин, не просияв,
станут кормом стеблей, ив,
ясеней, во тьму себя загнав,
где ни продыху, ни мысли, где, извилист,
из червями траченной листвы лист
новый вырастает, словно змей,
к Еве поворачиваясь всей
смертной мудростью и ложной простотою,
всем потомством, завязью густою
будущих плодов и их смертей.

3

«Встань, как лист передо мною,
как смычок перед струною,
как расстрельный у стены,
как иголка перед стогом,
как заблудший перед Богом,
как ответ из тишины ...»

– Встань, как тебя, тоже, бассейн нашёл. Боком, сказала, боком!

Полотенце держи, штаны.

Свет тушу,

хлоркой, так это ж для вас

стерилизуем, козлы.

Чтобы тихо. Не шаркать потом. Кому надо – иди сейчас,

и лучше меня не зли.

4

Не получается уснуть. Не получается
не стать на время, на конце луча, нельзя,
моста, дня вечеряющего сосчитать до ста нельзя,
сна, издали в ночи поющего,
фальшивящего, но не достающего,
тебя, всеночного, как милость – нищего,
А ты всю ночь лицом незрячим тычь его,
как воздух – тонущий и как младенец – песенку
поющую в бессонной тьме сынку
на все лады, увещевая ми – ля – си.

К унявшимся

примкнуть с той стороны воды нельзя. Вблизи
сон страшноват. Проснуться будет некем – им,
совсем уснувшим. Так же ведь, как я, как мы, —

они, наоборот, очнуться, мучимы,
пытаются, попыткой всплыть из сна – в кромешный ад,
не зная лучшего.

03/2006

«Каждый молчит, сохраняя своё...»

Каждый молчит, сохраняя своё.
На внутренней стороне
дерматиновых, кожаных, кружевных,
клетчатых, ношенных, жестяных, —
фотоснимки близких и виды пляжей в чужой стране,
непостижных красавиц тела, цветных
снов влагу, тепло по краям, внизу,
запасную пуговицу, пыльцу,
за отворотом века слезу, а за створками навесных —
персональную темноту,
непонятное, моль, проедающую насквозь
сердце пальто, повешенного на гвоздь,
дачный ключ, свидетельство, наготу.

И не набравшихся духу слов козырных,
отложенных на потом,
правоту каждый свою сохраняет, дающуюся с трудом,
правду, таящуюся от них.

«Левой – прикрывая лист...»

Левой – прикрывая лист,
Правой – покрывая сплошь.
Стержень, наклоняясь, грызть,
к сердцу приставлять, как нож,
пишущий не то. Погонь
за угол строки, тщета.
«Ты» – зачёркнуто. Наклон.
Длинная черта.

21/11/2009

«Монологи долин...»

Монологи долин,
восклицания редких деревьев, и ты,
непрестанное «всё подчеркнуть» вдоль путей сообщенье,
на столбах монотонных двойные, двойные черты —
протяжённость прощенья.

Многоточия спящих, кавычки летящих поверх
птичек, птиц карандашных. Курсивы
тростника у мостов и листвы облетающий смех
некрасивый.

Ты по ходу садишься,
и время лицо за лицом
в приоткрытое небо сдувает,

ты садишься напротив тогда,
и в стекле уменьшаясь косом,
бывший свет застывает.

13/10/2004

«Тех, кто смотрел парады на ветру...»

Тех, кто смотрел парады на ветру,
и тех, кто площади застал уже пустыми,
И тех, кто принимал обратно мишуру
в сохранности, вычёркивая имя
вернувшего, и тех, кто не вернул
бумажного флажка и кумачовой розы,
и тех, кто из земли расслышав гул
процессии, решил, что это просто
гроза, и тех, и тех,
недостоверных, – нас
считай своим, родная, поголовьем,
на спицы счёт нанизанных, страна.

Не округляй числа, не доверяйся «тьмы
и тьмы» примерно матросы,
косяшки, агнцы, вишенки, рабы,
хористы, мертвецы – шеренгами по росту
пришли, наперечёт, все как один, душа
к душе, в наследное именье,
предстать. Плечо к плечу. Дыша и не дыша —
как повелишь. Терпение к терпенью.

«Как им там, наверху, безрукавным, росу отереть...»

Как им там, наверху, безрукавным, росу отереть?
Да и не с чего : ветви вместо чела
черноту обрамляя и сами уже поределли на треть.

Как им шепчется там, безъязыким? И плешь
наклоня, внимает ли небо речам,
или в водах летейских больничные простыни их полоща
позабыло себя самоё. Как им спится во мгле
шестизвёздочной, с видом на эти сады,
потерявшие всякую прелесть уже, на потёртую Гжель
облаков. Им альков – забытьё :

сны досматривать. Что им до наших сетей
календарных? Они широки для мальков,
и подавно – прощальных вестей ...

18/10/2001

Форточки

1

Из Греции:

«Пыль, комары, сикаморы,
никто не ложится до часу.
Таблетки не действуют. К счастью, мне лучше».

2

Из Рима:

«Амоге,
наружу – как в печь.
Из окна наблюдаю восходы священников вверх,
по ступеням палаццо,
так много ступеней. Читаю газеты.
На Азию снова походы».

3

«...cutorio.

Лето в последней красе.

Ты не пишешь. Я занял.

Забраться в такую дыру, не поверишь, Inferno.

Египетская фельдшерница с вязаньем

сидит у постели.

Открытую форточку здесь называют «открытка».

По-прежнему скверно».

4

«...молиться уже ни к чему. Назначение рая – забвеньё,
и в этом ещё преуспею. «Забытка» – вдова,
представляешь?

«Зола» – португя.

Слова изменили значение. Их повторяя,
становится боязно. Most of us Russians or Chinese.

Je te rascompli, ma jolie, donc,

и солнца не гаснут. Прощаюсь».

Сон

Линолеум в длинном-длинном
здании, в Ярославле. Иду за справкой
о больном. По потолку павлиньим
веером плесень. Сестра, скажите, «здоров он,
ваш симулянт», как только приближусь,
со всем равнодушьем,
на которое только способны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.